

Татьяна В. Артемьева (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА КАК ИСТОРИЯ СЕМЬИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ В РОССИИ XVIII ВЕКА

В исторической науке существуют различные методологические подходы, позволяющие выявить закономерности и особенности общественного развития, – от пресловутого «формационного», обращенного к социально-экономическим «основаниям», до «эстетико-художественного», ориентирующегося на «вершины» стилистического своеобразия в развитии искусства. Последние десятилетия отмечены интересом к проникновению в мир личности, в жизнь частную, индивидуальную, неповторимую, неусредненную, насыщенную событиями и фактами, имеющими значение лишь для семейного Космоса, а то и вовсе, запрятанную в глубине души и мерцающую необъяснимыми и кажущимися немотивированными поступками.

Трудно говорить о существовании некоей *системы* исторических методов. Скорее это нюансы одного и того же подхода, детерминированные предметом, эпохой, избранной для изучения, личными вкусами и пристрастиями исследователя. При этом уже давно дисциплинарная ориентация не имеет принципиального значения, напротив, исследователь с «непрофильным» образованием рискует увидеть больше интересных нюансов, нежели подготовленный специалист.

Среди популярных ныне стратегий можно выделить «антропологию современного мира», «новую биографическую историю», «историческую антропологию», «исследование ментальностей», историю повседневности, новый историзм, *мега-, макро- и микроисторию*. Обращение к прошлому через призму небольшого сообщества, семьи, личности позволяет сохранить определенную цельность и гуманистический характер такого восприятия, когда познающий субъект не расчленяет свою эпистемологическую природу, концентрируя усилия на конкретных событиях и выявляя каузальные связи между обозримыми фактами.

Риску пополнить существующий вокабулярный выражением «персоналогическая историософия», вынесенным в подзаголовок и неизвестным даже

моему *spell checker*. Используя эту конструкцию, мне хотелось бы обозначить некоторую специфику осмысления истории русскими авторами века Просвещения, пытавшимися разобраться в прошлом, настоящем и отважно прогнозировавшими будущее, которое казалось им таким близким и понятным.

XVIII век является особым этапом как в истории России, так и в развитии русской философии. Это время определенной смены парадигм – политических, идеологических, социокультурных. С другой стороны, это время формирования архетипов, культурной символики, исходная точка для множества социальных традиций. Это время возникновения академических институтов, «новой науки», нового языка, нового искусства, формирования «нового человека» с личностными чертами, сближающими его с современностью.

В соответствии с неписаной традицией XVIII столетие принято называть «философским веком». Прежде всего это связывалось с идеологией Просвещения. Философия рассматривалась как «царица наук», или метаучение, формирующее универсальный метод познания. Аллегорические изображения рисовали ее восседающей на троне с короной на голове, с символами света, с открытыми книгами, на титулах которых начертано *moralis-naturalis*.

В зависимости от традиций культуры философское знание могло выдвигать на передний план различные проблемы, приобретать разнообразные виды и формы. В России философская мысль пребывала чаще в маргинальных междутекстовых пространствах, нежели конденсировалась в научных трактатах «классического» типа. Понимание и изучение этого требует особой методологии, учитывающей особенности эпохи и национальной культуры. По аналогии с «новым историзмом», широко обсуждавшимся в нашей литературе в связи со статьей А. Эткинды в НЛО,¹ я назвала бы эту стратегию, учитывающую особенности как «короткого» (1703–основание Петербурга – 1796–смерть Екатерины II), так и «длинного» (правление Федора Алексеевича (1676–1682) и царевны Софьи Алексеевны (1682–1689) – восстание декабристов в 1725 г.) XVIII века, *новым дизвитемизмом*, по аналогии с *dix-huitiémisme*, как любят называть свои пристрастия к эпохе исследователи XVIII века. Общие черты, характерные для этого подхода можно было бы обозначить следующим образом:

¹ Эткинд, А. 2000: Новый историзм (русская версия), в: *Новое литературное обозрение* 47.

- Междисциплинарный характер исследования, предполагающий сопоставление различных областей культуры и, соответственно, привлечение исследовательских методик из разных гуманитарных областей;
- Компаративный характер исследования, учитывающий интенсификацию движения идей и использование чужого опыта как необходимый компонент формирования собственной идентичности;
- Иерархически-приоритетный характер исследования, когда в первую очередь изучаются доминирующие культуропорождающие факторы. Применительно к России это дворянская культура, переживавшая в ту эпоху свой «золотой век»;
- Персоналогическая направленность исследования, выявляющая мировоззрение ключевых фигур эпохи;

Особо следует остановиться на специфическом, подчас *перевернутом* характере соотношения автора текста и его читателя. Так:

Авторство текста в реальности может принадлежать не тому, кто его пишет, а тому, кто заказывает;²

Авторство тщательно скрывается по причине нежелания демонстрировать себя:

- из политических соображений³
- из определенного тщеславия;⁴

«Дворянин-читатель» может выступать как *соавтор*, вычитывая больше, нежели вложено в текст, то есть результат прочтения может быть богаче оригинала;

Текст может быть написан для одного-единственного читателя, как, например, пьеса *Оленька* А. Белосельского-Белозерского, созданная для Павла I, или для ближайшего окружения, как был написан памфлет М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России», предназначенный исключительно для внутрисословного употребления; на французском языке, как *Dianyologie ou*

² Можно вспомнить сотрудничество Вольтера и И.И. Шувалова в написании *Истории Российской империи в царствование Петра Великого*. См. об этом: Артемьева, Т.В. 1998: «Дворянин-философ как писатель истории», в: Артемьева, Т.В. *Идеи истории в России XVIII века*. СПб.

³ Так, Екатерина II опубликовала свой политический памфлет – «Антидот» анонимно, на французском языке, да к тому же еще и в Амстердаме.

⁴ «Я великую охоту имею сочинять и писать, но не желаю слыть ни стихотворцем, ни писателем, ни переводчиком... не для того, чтобы я не почитал оные свойства весьма славными всем пылающим разумом, но для того, что я родился нетщеславным», - пишет Ф.И. Дмитриев-Мамонов в предисловии к своему переводу Лафонтена *Les amours de Psyché et de Cupidon* (Москва 1789).

Tableau philosophique de l'entendement (Dresde, 1790) А. Белосельского-Белозерского.⁵ Вот оно, максимальное приближение к *litterature personnelle!*

Новый дизвитьемизм в своем *российском* выражении обретает особые черты и требует учета следующих обстоятельств:

– Субъектом любой «высокой» интеллектуальной деятельности становится «дворянин-философ»;

– Происходит *нобилизирование* личностных моделей (или доминирование дворянского типа личности в качестве модели)⁶ и *персонализация* (олицетворение) общественных и политических преобразований – как результат деятельности определенной личности;

– Представления о возможности общественных преобразований носят максималистский, детализированный и утопический характер, выражающийся в идее *просвещенной монархии*, или *софиократии* (власти мудрецов или философов).

* * *

XVIII век ассоциируется с просвещением и верой в разум. Однако еще одна примета этого времени – пристальное внимание к собственному душевному миру и осознание личностной идентичности. В аллегорико-эмблематической форме «познание самого себя» выражалось в образе человека, смотрящегося в зеркало (см. Илл. 1). Зеркало позволяет углубить, отстранить собственный образ, придать ему статус объекта. Собственная персона становится наглядной, а потому – более понятной. Вместе с тем, отражение – это всегда «одна из» проекций, демонстрирующая не всю личность целиком, а лишь одно из ее возможных измерений.

⁵ Кант писал ему: «Вашему сиятельству суждено было разработать то, над чем я трудился в течении ряда лет – метафизическое определение границ познавательных способностей человека, но только с другой, а именно, с антропологической стороны» (цит. по: Гулыга, А. 1997: Из забытого, в: *Наука и жизнь* 3, 104.)

⁶ Так, ученый стремится получить дворянский статус, крестьяне изображаются как оперные «пейзажи» («бедная Лиза» становится «русской Элоизой»), купцы мечтают о дворянских привилегиях и по мере возвышения приобретают дворянство, покупают родословные и меняют имидж). Петровская «Табель о рангах» закрепила сословно-иерархическую структуру общества, где любой квалификационный рост (например, получение высшего образования) приводил к получению дворянства, сформировав принцип: «лучший, следовательно – дворянский».

Позже формируется представление об идеальном, «естественном» человеке, черты которого пытались увидеть в «простом народе», крестьянстве, но на самом деле это *дворянское* представление того, каким должен быть простой народ. Следует также отметить, что значительная часть описаний этого самого «простого народа», «безмолвствующего большинства» сделана именно образованным классом, который во многом возвышал и идеализировал это сословие в соответствии со своим нравственным кодексом.

Однако порой достаточно одной грани, чтобы выявить самое главное. Так, на портрете Екатерины II В. Эриксона (см. Илл. 2) милая женщина, отражаясь в зеркале являет медальный профиль императрицы. Кокетливый жест руки, держащий веер, с куртуазно отставленным мизинцем, грациозный полуповорот головы, полуулыбка, кончик туфельки, невзначай показавшийся из под платья с пышными фижмами, лилейность кожи – все это не отражается темным стеклом, демонстрирующим лишь сосредоточенность канонического образа монархини. Интересно, что отражение императрицы представляет собой портрет, нарисованный другим художником – Федором Рокотовым (см. Илл. 3).

Таким образом, мы видим, что обращение к личностным структурам, сознание тотальной индивидуальности и непохожести порождает целую культуру, направленную на понимание «неповторимого» и «внутреннего». Это нашло отражение не только в живописи с ее жанром «психологического портрета» или в литературе с ее тяготением к исповедально-эпистолярным жанрам как в поэзии, так и в прозе, но также и в самих жизненных стратегиях, моделях поведения, нацеленных на демонстрацию личных качеств и особенности переживаемых этапов.

Наверное, наиболее ярко это проявилось в творчестве А.Т. Болотова (1738-1833), личная биография которого отлилась в ряде текстов, достаточно точно отражающих его умонастроения в тот или иной отрезок жизни. Его *sensus privatus* отлился в *scripta privata*. Результатом жизни (а не исследовательской деятельности, как можно было бы подумать) становятся тысячи статей, которые, по замечанию С.А. Венгерова, могли бы составить 350 томов обычного формата, а также культурно преобразованное жизненное пространство: хорошо организованное хозяйство и садово-парковый комплекс. Болотов никогда не занимало абстрактное теоретизирование. Он писал статьи по сельскому хозяйству, когда налаживал и совершенствовал хозяйство в своем имении, по медицине, когда нужно было лечить своих крестьян и близких, по садовой архитектуре, когда он создавал «русский сад» в своем имении и имении графа Бобринского в Богородицке, стал писать пьесы, когда нужно было пополнить репертуар домашнего театра. Желая приобщить к своему увлечению философией молоденькую двенадцатилетнюю жену, он пишет регулярное и систематическое изложение своих взглядов, *Детскую философию* (Ч.1-2. Москва, 1776-1779), размышляя о воспитании детей, – *Путеводитель к истинному счастью или опыт нравоучительных и отчасти философских рассуждений...* (Ч. I-III. Москва, 1784). В 1823 г., будучи совсем пожилым человеком и задумываясь о близкой смерти, Болотов пишет *О душах умерших людей* (1823), где

размышляет о проблемах пневматологии, танатологии и возможной будущей жизни.

Тексты А.Т. Болотова не отделены от его жизни, а составляют с ней органическое целое. Он не живет в «текстах», не пишет, вместо того чтобы жить, но сама его жизнь представляет собой текст о «дворянине-философе» как хозяине небольшого, но хорошо устроенного мира. В его жизни у-топия («место которого нет») превращается в эй-топию («благословенное место»).

Среди многочисленных слоев российского общества XVIII века, включая такие маргинальные группы, как «преподаватели высших учебных заведений», «крепостная интеллигенция», «иностранцы на российской службе», «ученое монашество», «просвещенное купечество» и т. п., невозможно найти такой, который бы обладал необходимыми условиями для «свободного философствования», кроме дворянства. И действительно, досуг, образование, личная свобода, отсутствие меркантильных установок, непосредственной идеологической зависимости, вовлеченность в мировую культуру, наконец, потребность занять мировоззренческую позицию, возвышающуюся над обыденной и соответствовавшую привилегированному положению в социуме, – все это могло соединяться только в дворянском сословии.

«Дворянин-философ» как субъект философского процесса определил специфику русской философии XVIII века, особенности ее бытия и форм выражения. Он создавал «тексты», выявление и понимание которых требует особой стратегии прочтения. Философский текст в России XVIII века органично вписан в культуру и не может быть понят вне соприкосновения со всеми ее значимыми точками. Знакомство с ним не имеет ничего общего с бережливым накоплением сухой и отстраненной информации – это радостное переживание интеллектуального подъема, ощущение полноты жизни и собственной значимости в ней. Таково же отношение «дворянина-философа» к истории.

В *Новом кратком понятии о всех науках, или Детской Настольной Учебной книге*, изданной Д.В. и И.В. Нехачиными, говорится:

История в рассуждении предметов или количества описываемых вещей есть тройкая: 1) Всеобщая, которая повествует о многих государствах вообще. 2) Частная, повествующая об одном каком государстве или стране, как Камчатская и проч. 3) Особенная о делах одного какого-либо человека, например о Петре Великом, о Александре Великом, о Магомеде.⁷

И действительно, российскую историографию XVIII века насыщают «монологические» или «диалогические» исторические сочинения компаративного

⁷ *Новое краткое понятие о всех науках, или Детская Настольная Учебная книга*. Отд.3. Москва 1797, 27.

«плутарховского» типа. Однако можно сказать, что вся Российская история чаще всего и излагалась *персоналогически*, как *судьба личностей*, столкновение характеров и судеб. При этом все мало-мальски значимые события российской истории рассматривались как действия той или иной исторической личности, являлись частью ее личной жизни. И действительно, следуя традиционной логике изложения, и становление государственности, и принятие христианства, и просвещение, и масштабные социальные перемены – все было связано с деятельностью определенных личностей и интерпретировалось как элемент их биографии.

Именами исторических личностей: царей, полководцев, вождей, героев или злодеев наполнены исторические описания всех стран, время от времени та или иная фигура олицетворяла собой целую эпоху и отождествлялась с ней, как это было с Кромвелем или Наполеоном. Однако для российских мыслителей XVIII века исторический процесс никогда не описывался абстрактно-феноменологически и все события маркировались *персоналогически*, что позволяло оценивать их и анализировать не с социальной или политической точки зрения, а исключительно с *моральной*. Поэтому прошлое представляло перед глазами российских историков как история личностных взаимоотношений людей, отважных и трусливых, эмоциональных и бесстрастных, добродетельных и порочных, сластолюбивых и воздержанных, мудрых и недалеких, неосмотрительных и прозорливых, ищущих чести и славы или запятнавших свое имя гнусным злодейством. Для подавляющего числа российских историков история есть прежде всего набор моральных примеров и поучений. В дидактическом тексте 1790 года под названием «Способ учения» так прямо и говорится: «История подает наилучшие правила жизни и есть как бы на все случаи оной приуроченная философия».⁸ И далее: «Следует внушать *нравоучительные правила*, произведенные из истории».⁹

В сочинении И. Голикова *Дополнение к деяниям Петра Великого* прямо говорится, что история начинается тогда, когда на политическую арену выходит яркая личность:

Мы из нее видим, что естли великий творец мира восхождет прославить какой народ, то дарует оному Государей, снабденных всеми дарами правления и полагающих славу и счастье свое в славе и счастье народов своих, хаковы были *Киры, Антонины, Аврелии, Титы, Траяны* и проч.

Мы из нее видим, что естли какие народы совращаются с стези добродетели на путь беззакония, то провидение Божие в наказание их возводит на престол или властопо-

⁸ «Способ учения» 1790, в: Сычев-Михайлов, М.В. 1960: *Из истории русской школы и педагогики XVIII в.* Москва, 171.

⁹ Там же: 172.

бивых *Сарданпалов*, ни мало не заботящихся о благосостоянии их, или бурливых и единою войною дышавших *Александров*, *Чингис-Ханов*, *Тамерланов*, *Карлов*, вконец их изнуряющих; или *Неронов*, *Калигуз*, *Коммодов*, утешающихся кровью и слезами их...¹⁰

Пожалуй только историки «академического типа», и прежде всего немецкие специалисты Герард-Фридрих Миллер (1705-1783), Готтлиб Зигфрид Байер (1694-1738), Август Людвиг Шлецер (1735-1809) и др., позволяли себе придерживаться исключительно фактов, насколько это было возможно. Они могли рассуждать о надличностной методологии исторического описания, оперирующей не личностями, а «народами». Так, И.Г. Рейхель выделял:

- хронологический способ, как расположение фактов на оси времени
- технографический способ, или описания «деяния народов», а также достижений науки и культуры
- географический способ, или описание «по частям света»
- этнографический способ, «по порядку народов», объединенных географическими, политическими или родственными узами.¹¹

Если немецкие историки видели свою цель прежде всего в открытии нового знания, то представители российской историософии полагали, что главной функцией исторического сочинения должно быть: моральное поучение (В.Н. Татищев, Ф.А. Эмиль); овладение духовным, в первую очередь чувственно-эмоциональным, опытом прошлых поколений (Н.М. Карамзин); уяснение закономерностей общественных изменений (М.М. Щербатов); поиск аналогий существующей политической системы (Екатерина II). Представление об историческом процессе как о результате взаимодействия крупных политических фигур, сословно-персоналистическая направленность философии истории (М.М. Щербатов) способствовали развитию исследований в области генеалогии, которая, в свою очередь, сама стала выступать как методология исторического исследования.

Наиболее ярко персоналогические интенции проявились в описании личности Петра I.

О нем было написано немало. Это сочинения Феофана Прокоповича, Б.И. Куракина Ф.И. Соимонова, Якова фон Штелина. Посвященные ему исследования не только описывали жизнь выдающейся личности, но и отчасти пытались осмыслить механизм ее влияния на исторический процесс. Все они связывали успехи петровских начинаний исключительно с особыми качествами Петра, его пытливым умом, знанием людей, личной храбростью, решительностью. Во всех, даже самых незначительных, событиях его жизни,

¹⁰ Голицов, И. 1790: *Дополнение к деяниям Петра Великого*. т.1. Москва.

¹¹ Рейхель, И.Г. 1788: *История о знатнейших европейских государствах с кратким введением в древнюю историю, продолжающаяся до нынешних времен*. Москва.

привычках, обыкновениях выделялся особый смысл, объясняющий значимость его поступков и решений. Хотелось найти объяснение, «разгадать секрет» мотивации поступков великого человека, секрет, который, как тогда казалось, поможет понять, куда и как течет «река времен».

Первым посмертным биографом Петра, стал П.Н. Крекшин, автор рукописи *Краткое описание блаженных дел великого государя Петра Великого самодержца Всероссийского, собранное чрез недостойный труд последнего раба Петра Крекшина, дворянина Великого Новгорода*. В ней автор изложил события жизни Петра до 1706 г. Имя Крекшина не пользовалось авторитетом среди его современников, не принимают всерьез его свидетельства и современные исследователи историографии XVIII в. Ему предъявлялись обвинения в мелочности, недостоверности. Однако именно он начал формирование харизматического образа Петра, хотя и в старомодном жанре «Повести о старобытных князьях». Летописная форма повествования, избранная Крекшиным, была очень популярна в XVII веке, хотя в послепетровское время она считалась анахронизмом.

Поистине фундаментальным собранием материалов о Петре I стал труд И. И. Голикова (1734–1801). Автор происходил из кулеческого звания и не мог получить настоящего образования. Однако он компенсировал это колоссальной работоспособностью и энтузиазмом. Голиков считал себя «в долгу» перед императором, так как в 1782 году был освобожден из заключения, куда он попал в связи с делом о беспощинном ввозе «французской водки» по случаю открытия в Петербурге памятника Петру I и покровительства президента комерц-коллегии А.В. Воронцова.¹² Существует романтическая легенда о том, что он коленопреклоненно перед памятником поклялся отблагодарить своего избавителя, оставил коммерческие дела и занялся записками.¹³ Голиков не только изучал то, что было уже написано о Петре, но и расспрашивал старожилов. Екатерина II, узнав о нем, открыла сочинителю библиотеки и архивы. С 1788 г. он начал издавать *Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России*, а с 1790 г. *Дополнения к деяниям Петра Великого* в 18 томах. Кроме того Голиков издал в 1798 *Анекдоты Петра Великого*, а также книгу в классическом жанре «сравнительных жизнеописаний» – *Сравнение свойств и дел Константина Великого со свойствами и делами Петра Великого* (Ч. 1–2. Москва, 1810), как бы приравнивающую Петра к античным героям Плутарха. Сам Голиков считал

¹² Плоханова, М. Б. / Голиков, И. И. 1988: *Словарь русских писателей XVIII века*. Ленинград, 207.

¹³ Старчевский, А. 1845: *Очерк литературы русской истории до Карамзина*. СПб.

себя не «историком», а «собирателем», обратившись к такого рода деятельности из «охоты размышлять (философствовать)».

Сочинения о Петре отличались особенным объемом и фундаментальностью. Младшие современники пытались сохранить воспоминание о любом высказывании или поступке почитаемого императора. Так, Ф. О. Туманский издал *Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях императора Петра Великого* в 10 частях (СПб., 1787-1788).

Образ Петра-антихриста существовал в культуре как логичная оппозиция Петру-богу. Фигура царя устойчиво пребывала в диапазоне сакральности, вне зависимости от того, в какую сторону отклонялось ее восприятие. Вся жизнь Петра сопровождалась описанием необычных событий и божественных предзнаменований. В *Сказании о зачатии и о рождении Петра Великого* П.Н. Крекшин пишет, что в ночь на 11 августа 1671 г. Симеон Полоцкий и Дмитрий Ростовский увидели в небе яркую звезду возле планеты Марс, из чего заключили, что царица Наталья Кирилловна зачала сына. Е. Шмурло обращает внимание на ту естественность, с которой происходит обожествление царя в поэзии, начиная от ломоносовского «Он бог твой, бог твой был, Россия» и заканчивая развернутым образом А. П. Сумарокова, сравнивающего Коломенское, место рождения Петра, с Вифлеемом («Российский Вифлеем, Коломенско село...»)¹⁴.

Он же приводит свидетельство фетишизации персоналогического выражения высшей власти, которая чрезвычайно характерна для России, идет ли речь о Петре или о Сталине. Этот фетишизм является по сути предельным воплощением «лидероцентристской» идеологии, настолько насыщенной в своих чувственно-эмоциональных проявлениях, что она распространяется и на искусство, и на мораль, и на религию.

Инвалид Кирилов, — пишет Е. Шмурло, — имевший случай делить с государем труды и опасности жизни, и теперь, пережив царя на много лет, доживающий на покое остаток своих дней. У него был небольшой финифтяной портрет Петра, который он держал посреди образов в переднем углу и поклонялся ему как иконе: ежедневно лбызал, теплил перед ним свечу, точно это было изображение какого-нибудь угодника. На замечание местного архиерея о несоответствии его поступков с предписаниями православной церкви Кирилов с негодованием возразил: «Петр был как ангел-хранитель, защищал от врагов, наравне делил все трудности походов, едал с нами общую кашу, обращался как равный и отец; сам Бог прославил его победами, не допустил коснуться до него смерти и раны, а ты говоришь: не должно образу его молиться! Единственное, на что согласился старик, это не ставить свечи, но самый портрет продолжал стоять наряду с образами».¹⁵

¹⁴ Шмурло, Е. 1912: *Петр Великий в оценке современников и потомства*. СПб, 36.

¹⁵ Там же.

Интересно, что наряду с мифологизацией (положительной или отрицательной) мы видим яркий интерес к частной жизни Петра, к его взаимоотношению с женой, детьми, ближайшим окружением, привычки, болезни и т.п. Это также порождает целый жанр «анекдотов» о Петре, способствуя формированию мифа о «Петре-человеке» в противовес образу «Петра-героя».

Одним из наиболее ярких представителей «писателей истории», излагавших историю как собрание «историй» из частной жизни людей, стоявших у власти, был Ф. А. Эмин (ок. 1735–1770).

С 1767 по 1769 г. Эмин публикует три тома с характерным названием *Российская история, жизни всех древних от самого начала государей, все великия и вечной достойныя памяти ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере ЗЛАТАГО ВЕКА во время царствования ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ в себе заключающая* (была доведена только до 1213 г.)

Эмин признается, что вкладывает в уста исторических персонажей не те слова, которые они *говорили*, а те, которые они *могли бы сказать*. Он дает слово всем центральным персонажам исторического повествования. Он приводит большой диалог Ольги и Святослава, обсуждающих возможность принятия ими христианства, речь воеводы Претича при осаде печенегами Киева. Насыщенность истории Эмина монологами привносит в нее элемент как бы журналистики, репортажа с места событий.

«Благородный Юрий», «гордый Вадим», пытавшийся воспользоваться мятежными настроениями черни, «мудрая и верная Ольга» – Эмин воспроизводит весь набор историософских архетипов, рисуя исторические события «установленного», а точнее, «устанавливаемого», образца и критикует тех историков, которые ему не соответствовали. Это были прежде всего М.В. Ломоносов и немецкие историки Байер и Шлецер.

Эмин связывает неожиданный поворот Владимира к христианству исключительно с его тщеславием: «Сей князь столько был горделив, что, прочетши жизнь Соломонову и зная, что сей царь за премудрейшего и славнейшего в свете иногда почитался, хотел ему во всем следовать».¹⁶ Больше всего преуспел он (хотя и не превзошел легендарного иудейского царя) в количестве наложниц, которых у Владимира было более восьмисот, содержащихся в трех больших сералях в Вышгороде, Белгороде и Берестове.

¹⁶ Эмин, Ф. А. 1769: *Российская история, жизни всех древних от самого начала государей, все великия и вечной достойныя памяти ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере ЗЛАТАГО ВЕКА во время царствования ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ в себе заключающая*. в 3 т., т. 3. СПб., С. V., 285–286.

Таким образом, знаменитый «выбор вер» объясняется желанием Владимира превзойти легендарного персонажа.

Что заставило Эмина так критически оценивать героя, который находился вне критики даже в советские времена демонстративного антиклерикализма и атеизма? Ведь все приводимые им негативные характеристики – результат не столько фактографических исследований, сколько творческой, хотя и не совсем обосновательной интерпретации. Интересно, что в ряду достаточно «нейтральных» персонажей фигуры Владимира и Ольги выделяются явно обозначаемыми оценочными доминантами.

Единственным мотивом для такой акцентированности персоналогических сюжетов является желание Эмина провести определенные исторические аналогии. В случае с Ольгой он, несомненно, апологизирует «первое женское правление», отличающееся смелыми решениями, мудростью, обращением к истинным ценностям. Эмин дискредитирует Владимира, который, по его мнению, принимает христианство из тщеславия, и возвышает Ольгу, делающую это из духовной потребности. Нетрудно догадаться, что «мудрое» правление Ольги симметрично «просвещенному царствованию» Екатерины II. В этом смысле историческое сочинение Эмина направлено не столько против отдельных историков, полагавших, что Ольга не была «самодержавной правительницей», сколько к более широким слоям читателей для демонстрации мысли о том, что женские правления не только характерны, но и благодетельны для России.

Одним из оппонентов Эмина по этому вопросу был И.П. Елагин (1725–1793). Следуя Екатерине в интерпретации славянского происхождения государственности, данной ею в *Записках, касательно Российской истории* (Екатерина подчеркивает славянское происхождение Рюрика, внука Гостомысла, правителя Новгорода, сына его дочери Умилы), Елагин, тем не менее, резко расходится с ней в оценке роли Ольги в формировании политической системы Древней Руси. Если Екатерина в своих поисках исторических аналогий склонна преувеличивать роль государыни-женщины, то Елагин подчеркнуто следует в своем описании не Нестору, а Иоакиму, рисующему ее роль гораздо более скромной. По мнению Елагина, «писатели, полагающие княжение... Ольги в число владевших великих князей, весьма заблуждаются. Хотя и видно, что она соучаствовала в правлении, но сие не ея княжение, от которого женский пол, кажется, законами отчужден тогда был...»¹⁷ Историк считает, что Ольга не была владетельной княгиней, хотя и полагает, что своим умом и нравственными качествами она выделялась из своего окружения и занимала особое место среди многочисленных жен и наложниц

¹⁷ Там же: 246.

Игоря и даже заняла рядом с ним место своеобразного Ментора, которое до своей смерти занимал Олег. «Девичье» имя Ольги – Прикраса, она была внучкой Гостомысла или, «по крайней мере, княжна из рода его»,¹⁸ и свое новое имя она получила от Олега, выбравшего ее в жены своему подопечному.

Елагин критически рассматривает многочисленные мифологические сюжеты, связанные с ее жизнью, отмечая, что «мудрая Ольга» не могла быть настолько «не по-христиански» жестокой, как это описано в сценах мщения древлянам, которых она погребла живьем. «Такое мщение есть мерзость любомудрию и славу божественной Ольги затмевает, – пишет Елагин, – поэтому сомневаюсь я в истине сего сказания, и лучше почитаю его ложным дееспителями вещанием, и дерзаю приписать его их невежеству или их собственному чувствованию».¹⁹ Эпизод с сожжением древлянского поселения Елагин и вовсе считает вымыслом, поясняя, что подобный опыт, предпринятый им самим, приводил к тому, что птицы с зажженным фитильком, привязанным к их лапкам, вовсе не летели в родное гнездо, а кружились на месте и камнем падали на землю. Таким образом, именно Елагин, вероятно, был первым историком, обосновывающим или опровергающим исторические сведения с помощью эксперимента.

Согласно Елагину, описание исторических персонажей может нести на себе отпечаток субъективных оценок и личных пристрастий. Он отмечает, что часто писатель наделяет историческое лицо чертами собственного характера, «особливо когда недостаток прямых сведений хочет иногда своим пополнить умствованием».²⁰ Не следует ли понимать это рассуждение по поводу женского правления и «касательно российской истории» как достаточно откровенную аллюзию, не очень приятную для некоторых авторов, например, Екатерины II.

Впрочем, «мудрая Ольга», в отличие от ее неудачливого мужа, – это бесспорно положительный персонаж елагинского повествования. Именно ей принадлежит заключение государственной важности о том, что христиане являются более удобными подданными, нежели язычники, предварившее последующие шаги, сделанные ее внуком.

Кульминацией исторического повествования Елагина является описание торжества христианства как государственной религии. Автор *Опыта...* отчетливо осознает сложность объяснения феномена «крещения Руси» и довольно подробно объясняет, как удалось Владимиру «преклонить подданных

¹⁸ Там же: 196.

¹⁹ Там же: 249.

²⁰ Там же: 250.

к такому трудному действию, каково есть пременение господствующей веры, ибо таковая в целом государстве премена без предварительных средств есть дело едва ли возможное».²¹ Владимир руководствовался в первую очередь соображениями государственно-политического характера, размышляя над тем, «какое сословие, христианское ли, или идолопоклонное сильнее к утверждению его на княжение».²² Таким образом, христианство было использовано им прежде всего как конструкция, укрепляющая идейно-политическое единство государства. Политизированное сознание мыслителя, сформировавшегося в эпоху «просвещенной монархии», почти отождествляло «религиозно-церковное» и «государственно-политическое». Для Елагина государственная идеология и государственная религия неразделимы и взаимообусловлены. Обращение славян к христианству было естественным, поскольку уже при Олеге они обрели государственность, которую требовалось закрепить национальной идеологией. Крещение Ольги указало направление возможной эволюции, нежелание Святослава заниматься подобными вопросами лишний раз подтвердило их актуальность.

Описание пресловутого «выбора вер» в летописи Нестора кажется Елагину не соответствующим серьезности момента, искусственным и театрализованным. Выше уже говорилось о том, как критика приняла гипотезу историка, будто намеренно решившего эпатировать общество смелыми предположениями. Елагин, конечно, не думает, что летописец сознательно фальсифицировал историческое событие. Анализируя сюжет, описанный Нестором, Елагин приходит к выводу, что «сочинял он не из словесных сказок и ложных от народа внушений, но по каким-либо сбереженным в книгохранилищах древним запискам».²³ Этими записками был «сценарий» пьесы, написанной одной из жен Владимира и поставленный при княжеском дворе. «Хитрая гречанка» желала привлечь Владимира дополнительными уловками, придумала и поставила пьесу, главным действующим лицом которой стал сам князь.

В театральном представлении, описанном Нестором, соблюдены все законы жанра. Доказывая это, Елагин обращает внимание на соблюдение театральных условностей и своеобразную группировку текста «по действиям»:

Действие I. Экспозиция

Занавес открывается, и Владимир видит как бы себя, сидящего в кресле в украшенной «любоострастной живописью храме».²⁴ Появляются болгарские послы, которые предлагают князю многоженство, обрезание, «запрещение свиных яств и питья

²¹ Там же: 323.

²² Там же: 327.

²³ Там же.

²⁴ Там же: 393.

хмельного»²⁵. Князь произносит сакраментальную фразу о «вине» и «веселии». «Болгары, посрамленные отходят».²⁶ Действие заканчивается.

Действие II. Завязка

«Театр, несомненно, переменяется, ибо второе действие вступлением немцев под названием папских послов начинается».²⁷ Елагин видит «искусство сочинителево, как он противностями характеров старался раздражать любопытство зрителей...».²⁸ Он противопоставляет мусульманам христиан, а христиан «западных», «которых исповедание яко раскол», показывает гордыми и надменными.

Действие III. Кульминация

«Пришествие жидов и их разглагольствование составляют третье зрелища действие. Они продолжительным повествованием чудес, для благоденствия праотцев их всемогуществом Божиим творенным, в недоверчивость приводят идолопоклонника; пророческими гласами и обращению их на путь истинный употребленными, скучают по непонимающему их сказания и, наконец, неблагодарностью своея раздражают его долготерпение, а неверием во Христа, невинно ими распятого, заслуживают презрение, и яко изгнанные из Иерусалима, их отечества, с уничижением с позорища сгоняются.

Так, приготовив сердца зрителей к важнейшему правоучению и показанию истинныя своея веры, православный сочинитель открывает четвертое действие вступлением посла царей греческих».²⁹

Действие IV. Развязка

Греческий мудрец убеждает князя обратиться в христианство. В принципе, он говорит то же, что и папские посланники, однако прибегает к сильному эмоциональному аргументу, поражая князя «внезапным показанием хартии, Страшный суд изображающей».³⁰ Елагин считает это новым доказательством театральности действия, «ибо сие показание ничто иное есть как то, что в театральных сочинениях внезапным поражением называется».³¹ Князь отправляет послов в Византию.

Действие V. Эпилог

Послы возвращаются и рассказывают об увиденном. Князь решает принять христианство, его дружина, исполняющая роль хора, соглашается.

Финальный диалог героя и хора звучит следующим образом:

Дружина (хор): «...и не принесла бы бабка твоя, мудрейшая из всех человек, закона греческого, естли б он не хорош был».

«Княжеское лицо» (герой): «Где прием крещение?»

Дружина (хор): «Где тебе угодно...»³²

Вероятно, елагинская история в наибольшей степени низводила события общегосударственного масштаба к частным, почти обыденным эпизодам.

²⁵ Там же: 394.

²⁶ Там же: 395.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же: 396.

³⁰ Там же: 397.

³¹ Там же.

³² Там же: 398.

Она никогда не рассматривалась в качестве серьезного исторического источника, впрочем, никогда и не была опубликована полностью. Однако она с подкупающей очевидностью продемонстрировала возможность короткого, почти панибратского отношения к харизматическим персонажам.

Дворянские историки писали историю не как «исследователи», пребывающие на метауровне «объективной и незаинтересованной позиции», а как историю своих предков, историю рода. Упорядочивание генеалогических сведений, проведенное князем М.М. Щербатовым, принесшее ему почетное звание «отца русской генеалогии», показало, что российское дворянство (составляющее 1% населения России), крепко связано не только сословной общностью, но и родственными узами. Даже поверхностное знакомство с генеалогическим деревом, например, князей Щербатовых, показывает их более или менее близкое родство с такими известными фамилиями, как Апраксины, Апухтины, Бестужевы, Блудовы, Волконские, Вольнские, Вяземские, Гагарины, Глебовы, Голицыны, Долгорукие, Дмитриевы-Мамоновы, Влагины, Каменские, Мещерские, Мелецкие, Мусины-Пушкины, Нарышкины, Оболенские, Панины, Плещеевы, Рямские-Корсаковы, Прозоровские, Сабуровы, Салтыковы, Толстые, Хованские, Чаадаевы.

Дворянство видело реализацию своей жизненной программы именно в общественном служении. Оно разделяло идею *государства как организма*, хорошо известную еще Федору Алексеевичу и провозглашавшуюся от его имени Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым. Согласно этой концепции различные сословия сравниваются с различными органами, каждый из которых жизненно важен, но выполняет различные функции. Эта теория демонстрировала и естественность неравенства, и невозможность раздельного существования. Естественно, дворянству отводилась почетная роль головы.

В российской историографии существовало мнение (наиболее последовательно его выражал М.М. Щербатов) о «захватническом» характере западного дворянства. Он полагал, что российское дворянство формировалось иначе, а именно от российских владетельных князей, последние же, в свою очередь, выделились в результате возвышения одних родов над другими. Причиной этого были в основном воинские доблести, мудрость и нравственные достоинства. Таким образом, основанием общественного неравенства Щербатов считает неравенство личных качеств. Закрепленное исторической традицией, оно приобретает силу «обычая», который впоследствии был закреплен и «законом». Исключительное право дворянства на владение землей, «прислужниками», занятие высших должностей органично вытекают из сложившихся в древности общественных структур. Необходимо ясно осознать пути формирования этого сословия, которое не узурпировало, а

естественным путем получило эти права, приумножив и развив в себе качества, унаследованные от доблестных предков. Поэтому только дворянство обладает сознанием исторической преемственности, только оно действительно *историческое* сословие, развитие которого изменяет лицо общества.

Представление об «особом характере» именно российского дворянства разделялось многими известными мыслителями XIX в., а также художественной литературой, которая критично, но бережно демонстрировала образ «дворянского интеллигента». Дворянство наше представляет явление точно необыкновенное, — писал Н. В. Гоголь. — Оно образовалось у нас совсем иначе, нежели в других землях. Началось оно не насильственным приходом, в качестве вассалов с войсками, всегдашних оспоривателей верховной власти и вечных угнетателей сословия низшего; началось оно у нас личными выслугами перед царем, народом и всей землей, — выслугами, основанными на достоинствах нравственных, а не на силе. В нашем дворянстве нет гордости какими-нибудь преимуществами своего сословия, как в других землях... Одним только позволяет себе всяк из них похвастаться — это чувством нравственного благородства, которое уже Бог им вложил в грудь. И если дойдет дело до того, чтобы высказать каким-нибудь поступком это внутреннее благородство, у нас не один не отстанет от другого, хотя бы сам был всех хуже и весь зажил в грязи и саже. *Дворянство у нас есть как бы сосуд, в котором заключено это нравственное благородство, долженствующее разноситься по лицу всей русской земли затем, чтобы подать понятие всем прочим сословиям, почему сословие высшее называется цветом народа*³³ (курсив мой. — Т. А.).

«Я не могу не уважать моего дворянства, — говорит один из героев Ф. М. Достоевского. — У нас созданя веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип всемирного боления за всех. Это — тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России».³⁴

Привлекательность дворянской культуры для мыслителей, не принадлежащих к ультрадемократическому направлению, вполне понятна. Это был практически единственный слой, представители которого имели явно выраженные личностные качества, способность к рефлексии, возможность свободного поступка в социальном и метафизическом понимании «свободы».

³³ Гоголь, Н.В. 1990: *Выбранные места из переписки с друзьями*. Москва, 202.

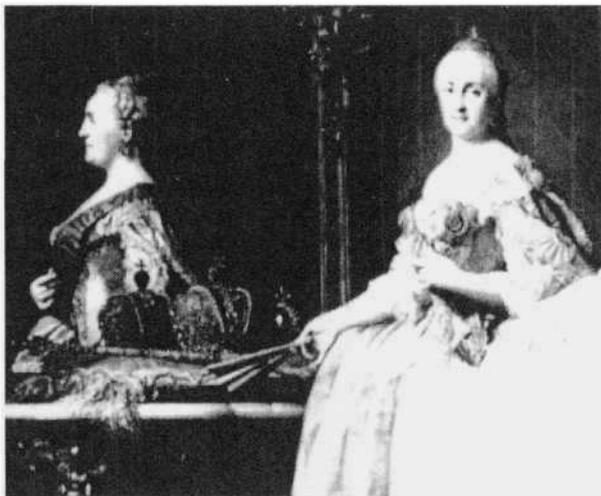
³⁴ Достоевский, Ф.М. 1957: *Подросток*, Собр. соч.: В 10. т. Т. 8. Москва, 515.

Трагедия Духа заключается в том, что в определенные эпохи интеллектуальное и духовное развитие обусловлено социально. То, что было в потенции для «безмолвствующего большинства», актуально для аристократического меньшинства. «Дворянский» тип личности уже состоялся. Можно говорить о его недостатках, даже пороках, путях дальнейшего совершенствования, но качественная определенность уже наличествует.

Именно поэтому прошлое рассматривалось через призму именно этой личностной модели. Историческое описание выглядело как семейная хроника, экскурсия по родовому имени с демонстрацией портретов славных предков, портретов хозяев и местом, оставленным для портретов их потомков. Радушный хозяин развлекал своих гостей, а его сын запоминал рассказ, чтобы повторить его у портретов своего отца и деда.

Илл. 1: Иконология, объясненная лицами, или полное собрание аллегорий, эмблем и пр.
Т. 2. Москва, 1803

Илл. 2: В. Эриксен
Портрет Екатерины II перед зеркалом (деталь)

Илл. 3: Ф. Рокотов, Портрет Екатерины II 1763.